

**МОРФЕМНЫЙ СТРОЙ
ДАГЕСТАНСКИХ
ЯЗЫКОВ**

Махачкала 1988

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА ПОЧЕТА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

МОРФЕМНЫЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сборник статей

Махачкала 1988

Редакционная коллегия:

З. Г. Абдуллаев (отв. редактор), *Н. С. Джидалаев*,
К. С. Кадыраджиев (составитель),
П. Б. Мадиева, *Н. Д. Сулейманов*

Рецензенты:

доктор филологических наук *Б. Г.-К. Ханмагомедов*,
канд. филол. наук *Н. Х. Ольмесов*

Тематический сборник «Морфемный строй дагестанских языков» исследует морфемную структуру нахско-дагестанских, татского и тюркско-дагестанских языков в описательном, сравнительном и сравнительно-историческом аспектах.

Морфемная структура дагестанских языков обладает такими фоно-морфологическими особенностями, изучение которых может пролить свет на многие проблемы грамматического строя. В данном сборнике показано своеобразие дагестанской морфемики, обусловленное внутриструктурными изменениями, фонетическими и семантическими процессами.

Материалы сборника могут быть использованы в научных и практических целях при создании учебных и учебно-методических пособий, а также при преподавании дагестанских языков в школах и вузах республики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный тематический сборник посвящен синхронно-диахронному описанию именной и глагольной морфемике дагестанских языков. Исследования авторов базируются в основном на материале, собранном ими. Хорошо известно, что дагестанские языки морфологически изучены слабо, и поэтому уже сам по себе новый материал по этим языкам является вполне определенным вкладом в изучение дагестанских языков.

Тематика сборника, на наш взгляд, вполне себя оправдывает: она актуальна и представляет несомненный интерес с точки зрения как изучения дагестанских языков, так и с общелингвистической.

В сборнике рассматриваются узловые проблемы морфологического строения именных и глагольных основ в аварском, лезгинском, лакском, даргинском, кумыкском и других языках Дагестана. Авторы характеризуют эти языки как языки сильно развитого морфологического строя, рассматривают типы именных и глагольных основ, подробно описывают различные процессы деривации, а также их особенности на уровне корня и аффикса, определяют порядок расположения суффиксов относительно корня и друг друга.

Путем морфемного анализа здесь выделяется целый ряд суффиксальных элементов. Далее рассматривается вопрос о возможной сочетаемости именных и глагольных формантов между собой.

В процессе анализа определяются минимальные структурные модели имени и глагола и варианты этих моделей. Соотнесение большого числа таких форм друг с другом дает возможность уточнить место каждого элемента в системе и наглядно показать общий порядок следования, особенности их функционирования и тем самым представить каждую словоформу в рамках одной из выявленных минимальных структурных моделей.

Представленный материал имеет большое научное значение для установления путей эволюции языка, его взаимоотношений с соседними родственными и неродственными языками.

Открытость диалектных систем способствует возникновению и бытованию различных форм, обозначающих одни и те же грамматические значения, одни и те же реалии.

Исходя из сказанного, нетрудно убедиться в том, что тема, выбранная авторами сборника, актуальна, соответствует современным проблемам дагестановедения. Она дает возможность решить ряд существенных задач дагестанского языкознания, к одной из которых, относится, например, конкретизация исторического развития морфемной структуры.

В сборнике сконцентрирован и введен в научный оборот большой фактологический материал. Значительная часть материала малоизвестна или вообще неизвестна науке. Это позволило авторам решить ряд проблем синхронно-диахронного развития отдельных категорий морфологии. В частности, по-новому трактуются вопросы происхождения и развития корневых и аффиксальных

байджанском источнике этого слова свидетельствует его наличие и в других тюркских языках, ср. кум. *чапчакъ* «кадка». В диалектах азербайджанского языка имел место переход *-п-* → *-м-*: *чапчакъ* → *чамчах*. В составе этой основы выделяется корневой элемент *чап* «большой сосуд» и уменьшительно-расширительный показатель *-чакъ* / *-чах*.

Лакское прилагательное *ттурусса* «бурый» сопоставляется с лакским же *оьрусса*¹, хотя между ними нет никакой этимологической связи, т. к. эта основа является исконно тюркской, ср. кум. *тору*, тур. *тору* «бурый». Это прилагательное восходит к праформе *торуг*, которая сохранилась в древнетюркском языке в этой же форме². Основа *тору* ← *торуг* состоит из корневого элемента *тор-* и аффикса *-уг*.

Даргинское прилагательное *чибара* «пестрый» сопоставляется с аварским *чараб* в том же значении³. Однако основа *чибара* заимствована из кумыкского *чибара*, имеющего и фонетический вариант *чубар*. Основа эта представлена и в других тюркских языках, ср. кар. *цыбар* / *чыбар* «пестрый»⁴. Прилагательное *чибара* состоит из корневого компонента *чыб-* и сложного форманта *-ара*.

¹ Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973. С. 20, 21, 66, 89, 103, 104.

² Виноградова О. И., Климов Г. А. Об арменизмах в дагестанских языках // Этимология. 1977. М., 1979. С. 53.

³ Древнетюркский словарь. Л., 1979. С. 296, 578.

⁴ Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокипчакского письменного памятника XIII в. Алма-Ата, 1970. С. 215.

⁵ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975. С. 547.

⁶ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980. С. 58, 157.

⁸ Караниско-польско-русский словарь. М., 1974. С. 141, 615.

Е. М. Назарова

О МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОСТИ В ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ

I

В системе именных определительных словосочетаний татского языка зародились и продуктивно и регулярно используются новые морфологические средства выражения атрибутивности. В связи с тем, что в выражении атрибутивного признака в этой системе участвуют и взаимодействуют в языке лексико-морфологический и синтаксический уровни, то область разветвления и изучения этих структур можно обозначить как область морфосинтаксиса. И, следовательно, вопрос о формантах атрибутивности, исследованию которых и посвящена настоящая статья, функционирующих пока только на уровне синтаксиса предложения, может быть рассмотрен только с позиций комплексного, «межуровневого» подхода и при условии рассмотрения языковой системы не изолированно от речевой деятельности, а в тесной взаимосвязи с нею. Необходимым условием изучения формантов атрибутивности в заданном нами аспекте является и рассмотрение того, как взаимодействовали разные языковые уровни в диахронии, т. к. это взаимодействие менялось в ходе развития иранских языков: происходила перестройка древней флективной системы словоизменения, развивались аналитические средства выражения грамматических значений, а затем и явления вторичного синтеза¹.

Именно такой подход объясняет механизм возникновения различных инновационных форм в структуре языка, в том числе и тех, к рассмотрению которых мы приступим.

Но прежде чем приступить к конкретному рассмотрению некоторых морфем, участвующих в выражении атрибутивности на морфологическом уровне языка, нам необходимо хотя бы в общих чертах рассмотреть вопрос о морфологической структуре слова именных частей речи татского языка, т. к. именно характер структуры слова, специфика его морфем различного типа, особенности их связи в слове, соотношение основы и слова, корня и основы, корня и аффиксов, а также и другие внутриструктурные моменты определяют структурную модель языка, способы грамматического выражения того или иного языкового содержания. Как отмечает В. Н. Ярцева, «структура слова как единицы языка является мерой грамматического строя»².

В татском языке имеет место бинарное устройство морфологической структуры слова: четко противопоставляются две основные части слова — корень и аффиксы (здесь и далее речь идет о структуре слова именных частей речи). Аффиксальные морфемы в свою очередь делятся на словообразовательные (деривационные) префиксы и суффиксы и словоизменятельные (реляционные) аффиксы. Способ присоединения аффиксальных морфем к корню является типологической характеристикой языка в целом. Способ соединения именных морфем в языке носит агглютинативный характер, именная морфология — агглютинативна³. В связи с развитием агглютинации в татском языке можно отметить «цепочечный» характер агглютинированной лексемы.

Непроизводное слово, как правило, не различает таких структурных частей, как корень и основа, оно допускает присоединение с конца двух словоизменятельных морфем в линейном порядке: морфему множественного числа (форма ед. ч. в языке не маркирована) и морфему падежа, напр.: *духдер-гьо-ре* — объектн. п. мн. ч. от существительного *духдер* «девушка». Каждая морфема выражает лишь одно грамматическое значение, т. е. аффиксы моносемантичны. В языке действует определенный порядок следования аффиксов: префиксы + корень + аффиксы лексико-грамматического словообразования + аффиксы функционально-грамматические + аффиксы словоизменятельные (аффикс числа + аффикс падежа).

Грамматический строй татского языка стал агглютинативным в ходе его исторического развития из исходной языковой общности: все новоиранские языки прошли в своем развитии все три этапа, о которых мы говорили в начале статьи, т. е. все иранские языки идут в своем развитии по направлению от синтеза к анализу и ко вторичному синтезу⁴. Именная агглютинативная морфология татского языка характеризуется следующими чертами: агглютинативным склонением существительных; отсутствием склонения прилагательных в силу отсутствия у них категориальной деривации числа и падежа; грамматический род в языке элиминирован⁵; отсутствием в языке деления имен существительных по классам; выражением синтаксических отношений существительных, прилагательных, причастий средствами двух типов атрибутивных словосочетаний (развернутой конструкции и двучленных, простых) со строго фиксированным порядком слов: 1) определение + определяемое; 2) определяемое + определение, участием в их организации двух морфем атрибутивности, формирующихся в инновационную словоизменятельную категорию имени существительного и согласовательную категорию имени прилагательного (и причастия); непроизводное слово в своих звуковых границах совпадает со словоформой в исходной форме; морфологические швы, соединяющие аффиксы друг с другом и с корневыми морфемами, остаются неизменными, т. е. морфологическая структура слова «прозрачна».

Говоря о грамматической форме татских слов, мы имеем

в виду то понятие грамматической формы и связанное с ним понятие грамматической оформленности, которые определил А. И. Смирницкий: «Грамматическая форма слова и грамматическая оформленность — не одно и то же, хотя 'это' и связанные между собой явления. Грамматически оформленным является каждое слово, хотя не всякое слово выступает в грамматической форме. грамматическая оформленность слова определяется... не только его грамматическим изменением..., но и его грамматической сочетаемостью с другими словами, со словами определенных классов и разрядов»⁶.

Для татского языка с его слабо развитой морфологией имени особое значение имеет понятие о грамматической сочетаемости. Понятие грамматической оформленности слова в татском синтаксисе приобретает принципиальную важность, поскольку зачастую здесь сочетаемость слов в составе словосочетания и предложения опирается преимущественно на семантический аспект слова. Понятие «примыкание» в татском синтаксисе построено на принципе семантической сочетаемости.

II

К морфологическим средствам выражения атрибутивности в системе именных словосочетаний относятся два форманта, оформляющих микросистему качественных, с одной стороны, и относительных словосочетаний, с другой, с дифференциацией в их структуре значений признака предмета и соответствующим различным оформлением определения. Так, аффикс *-е* оформляет препозитивное определение в качественной определительной конструкции, т. е. является аффиксом атрибутивности зависимого прилагательного или режс, существительного в составе именного словосочетания, называющего качественный признак предмета. Аффикс *-е* присоединяется к основам, имеющим исход на согласный, и лишь в редких случаях, к основам, в финале которых стоит гласный. Например: *герм-е руз* «жаркий день», где *герм* «теплый, жаркий» (Ю. С., р., 16); *сэхд-е кулок* «сильный ветер», где *сэхд* «крепкий» (М. Д., п., 38); *шори-е мэгИнигьой* «радостные песни», где *шори* «радость» (Ю. С., р., 23) и др.

Второй формант — аффикс *-и* — оформляет постпозитивное определение в относительно-притяжательной конструкции, являющейся специфично иранской и образующейся по типу персидского изафета. Аффикс *-и* является в татском формантом атрибутивности зависимого существительного в составе именного словосочетания, определяющего притяжательность, посессивность, или называющего относительный признак предмета, т. е. характеризующий его опосредованно, через отношение к другому предмету. Этот аффикс присоединяется к основе зависимого существительного, независимо от ее финала. Например: *шир деде-и* «молоко матери», где *деде* «мать» (М. Б., ал.-64, 33); *портсигар нуьгьре-и* «серебряный портсигар», где *нуьгьре* «серебро» (Х. А., сб.-63, 7);

пуз *поиз*-и «осенний пень», где *поиз* «осень» (М. Б., ал.-64, 36); *гоф* *азад*-и «слово свободы», где *азад* «свобода» (М. Д., п. 24) и др.

Слова именных частей речи входят в предложение почти не оформленные морфологически, с общим категориальным и частным лексическим значением в виду крайней неразвитости татской именной морфологии (об этом см. выше). В предложении эти слова связываются по смыслу в соответствии с коммуникативной установкой говорящего и занимают по отношению друг к другу контактную позицию. В силу того, что в языке отсутствует согласование признаков слов с предметными, синтаксическая их связь осуществляется собственно семантико-синтаксическими средствами: при помощи позиционного примыкания, т. е. посредством строго определенного, зафиксированного традицией словоупотребления, порядка слов и при помощи ритмико-интонационной их объединенности, т. е. с использованием супraseгментного средства связи с тем, чтобы происходило объединение слов ритмически, акцентуационно и мелодически.

Однако порядок слов и ритмико-интонационное оформление в атрибутивных комплексах — это грамматические средства аналитического порядка. В тесном взаимодействии с ними выступают в структуре этих словосочетаний и грамматические средства синтетического порядка, т. е. синтактико-морфологические форманты атрибутивности — *-и* и *-е*.

Преобладание аналитических средств выражения грамматических значений в языке накладывает отпечаток и на функционирование исследуемых формантов.

Так, прилагательное и существительное приобретают аффикс *-е* лишь в предложении, иначе говоря именно в предложении прилагательное (качественное или относительное) и существительное выступают в своеобразной определительной форме, которая отличается от исходной наличием *-е* (чаще всего после основ, оканчивающихся на согласный), безударного в непроездовых словах (*рбч-е* духтер «красивая девушка»), в производных префиксальных словах (*би-рбч-е* духтер «некрасивая девушка»), ударного — в суффиксальных производных словах (*тула-ин-ё* кук «прекрасный юноша», *тахте-ин-ёмэхъа* «дурная голова»). Можно сказать, что употребление определительной формы прилагательного и существительного является «сопроводительным», т. е. синтаксически обусловленным. Формант *-е* не привносит в семантику качественного прилагательного никакого вещественного, лексического значения, лишь грамматическое — значение связи с определяемым существительным в качественной конструкции типа «сущ. + прилаг.», т. е. играет роль, аналогичную формальным показателям согласования существительного и прилагательного, имеющимся в языках с богатым арсеналом словоизменительных категорий и форм у существительных и согласовательных, т. е. синтаксических категорий и форм у прилагательных (ср. в русском языке). Таким образом, аффикс *-е* с функциональной точки зрения обри-

совывается как релятивный формант, аффикс формообразования, но появляющийся на том участке морфологической парадигматики, на котором морфологический процесс тесно связан с синтаксисом, а потому приближающийся к синтаксическому словоизменению. Проследим за формообразованием качественных прилагательных, отмечая неизменность их лексического значения в определительных конструкциях. Например, прилагательное *савз* «зеленый» обозначает цвет — конструкция *савз-е велггбой* «зеленые листья» (Ю. С., р., 78) обозначает цвет предмета; прилагательное *гьундуыр* «высокий» — пространственное качество, словосочетание *гьундуыр-е догггьо* «высокие горы» (М. Б., ал.-64, 37) — пространственную ориентацию предмета; см. другие соотношения: *гьурьун* «тяжелый» — *гьурьун-е салггой довлго* «тяжелые годы войны» (М. Б., ал.-64, 32); *моггбул* «печальный, грустный» — *моггбул-е сифетггой одомигьо* «печальные лица людей» (Ю. С., р., 16); *сэхд* «крепкий, сильный» — *сэхд-е кулок* «сильный ветер» (М. Д., п., 38); *хиник* «холодный» — *хиник-е эргэг* «холодный пот» (Ю. С., р., 49).¹ Но присоединяясь к основе относительного прилагательного или существительного, аффикс *-е* несет определенную информативную, смысловозначительную нагрузку: в этих случаях он имеет вещественное, лексическое значение качественности, что способствует переосмыслению указанных категорий слов. Так, относительные прилагательные и существительные при употреблении их в качественной определительной конструкции приобретают качественное значение с присоединением аффикса *-е*. Например: *тулаин-е саглат* «дорогие часы», где *тулаин* «золотой»; *сангг-е хуне* «крепкий дом», где *сангг* «камень»; *домбул-е чумггой* «сливовидноподобные глаза», где *домбул* «слива»; *тахтеин-е мэхьа* «тупая голова», где *тахтеин* «деревянный» и др. При подобном употреблении существительных и относительных прилагательных происходит метафоризация их значения, т. е. вторичная номинация понятия, заложенного в основе слова, вытекающая из качественной оценки предметного отношения, понимаемого в переносном значении. Таким образом, любое слово, используемое в функции определения в качественной определительной конструкции, имеет только качественное значение. Для выражения же относительных значений признаков предметов или притяжательности в татском используется другой тип определительных словосочетаний — относительно-притяжательный — с существительным в функции определения. При этом существительное оформляется аффиксом *-и*, имеющим вещественное, лексическое значение либо принадлежности, либо релятивности в широком понимании. Например: *хуней сангг-и* «каменный дом» — букв. «дом из камня»; *саглат тула-и* «золотые часы» — букв. «часы из золота»; *хуней бебе-и* «дом отца» и др.

В ирановедческой лингвистической литературе указывается, что подобная татской определительная форма, но только прилагательного имеется и в некоторых других новопранских языках: «Наличие такой формы является изоглоссой, объединяющей тат-

ский с так называемыми прикаспийскими языками — гиланским, мазандеранским, талышским. Определительная форма может быть возведена к юго-зап. определительным формам прилагательных на *e*-, ср. ср.-перс. атрибутивные формы прилагательных на *-e*»⁷.

А. Л. Грюнберг, поддерживая точку зрения Б. В. Миллера, считает совершенно естественным появление в этих языках (с одной стороны, в татском, с другой стороны, в прикаспийских) отдельных общих черт, имея в виду тесное соседство носителей этих языков на протяжении столетий⁸. А. Л. Грюнберг также предполагает, «... что в том среднеперсидском диалекте, который лег в основу татского, широко были распространены препозитивные определительные конструкции, как это имеет место в среднеперсидском. Тогда влияние соседних прикаспийских языков могло способствовать сохранению этого типа конструкций в татском...»⁹. Нам более близка вторая точка зрения, согласно которой в том среднеперсидском диалекте, который лег в основу татского, были широко распространены препозитивные определительные конструкции, сохранившиеся в татском и способствовавшие постепенному разделению функций между препозитивными и постпозитивными словосочетаниями по семантическому признаку. Думаем, что именно на местной «почве» дифференцировалось выражение качественного и относительно-притяжательного признака предмета и развилась новая синтактико-морфологическая словоизменительная и согласовательная категория имени — двучленная категория атрибутивности, материально выраженная формантами *-e* и *-и*, выполняющими не только функцию связи слов в именных словосочетаниях, но также и смысложнаменительную функцию: либо атрибутивности-качественности — аффикс *-e*, либо атрибутивности-релятивности — аффикс *-и*. Оба эти аффикса — соотносительны, т. е. коррелятивны, т. к. маркируют, дифференцируя, 2 типа определительных значений, которые традицией изучения издавна выявлены языкознанием во всех языках: качественная характеристика предмета, с одной стороны, противопоставляется относительно-притяжательной, релятивной, с другой. В пользу этого мнения говорит та структурно-семантическая завершенность системы выражения атрибутивности, которая исторически сложилась в татском языке (историко-типологический анализ будет дан ниже) и навряд ли могла быть занесена или заимствована с другой языковой «почвы». Тем более, что среди прочих факторов, способствовавших формированию особенностей татского языка, в литературе указывается и на фактор давней изолированности его от западноиранского языкового массива, «чем объясняется наличие в татском архаических явлений, в том числе и качественной определительной конструкции»¹⁰.

Специфика выражения грамматических значений в языке, выражающаяся в преобладании аналитических, синтаксических средств выражения, в силу слабой развитости именной морфологии, накладывает отпечаток и на функционирование второго форманта — аффикса *-и*.

Словосочетания типа «сущ. + сущ.» в татском языке соответствуют по форме персидскому изафету, т. е. этот тип конструкции является общностным для юго-западной подгруппы иранских языков»¹¹. В татском языке конструкции такого типа служат для выражения относительно-притяжательных значений признака предмета, в то время как во многих западноиранских языках изафет — это универсальный тип атрибутивной связи, посредством которого соединяются с определяемым и качественные и притяжательные (в самом широком понимании этого термина) определения¹².

В относительно-притяжательной конструкции определение находится непосредственно после определяемого, и при этом существительное-определяемое, оканчивающееся на гласный, принимает показатель *-й*, а существительное-определение зачастую, но не всегда оформляется аффиксом атрибутивности существительного *-и*. Например: *э салгыо-й хунде-и* «в годы учебы» (Н. Г. ал-81, 42), *ветэгъэгъо-й жэгI-и* «рыбные промыслы» (М. Б., ал-60, 88), *богъгъо-й онгур-и* «виноградные сады» (М. Б., ал-60, 80), *сегле-й хьэт-и* «дворовая собака» (Х. А., ал-60, 44) и др.

Формант *-й* в конструкции типа «сущ. + сущ.», оформляющий стержневое, главное слово, — формант отызафетного происхождения, однако использование его в позиции только после гласного говорит о его пережиточном характере и свидетельствует о тенденции его редукции. А. Л. Грюнберг, отмечая этот процесс в языке североазербайджанских татов, говорит, что «...отпадение изафетного показателя после согласного объясняется общей для татского тенденцией к выпадению неустойчивых гласных в безударных слогах»¹³.

Именно в связи с сосуществованием в этих конструкциях двух формальных показателей связи — форманта атрибутивности существительного *-и* и отызафетного форманта *-й* находится то факкультативное положение аффикса *-и*, которое мы наблюдаем сейчас в языке. Однако, несмотря на это сосуществование, а может быть и в связи с тенденцией к отпадению отызафетного показателя, все чаще в этих словосочетаниях, все регулярнее появляется при зависимом существительном аффикс *-и*, оформляя различные по семантике определения: от характеризующих личную притяжательность (собственно притяжательные) до определений, квалифицирующих самые различные релятивные характеристики предмета. Например: *бебе-й кук-и* «отец юноши» (М. Б., ал-60, 108), *пилоконгъо-й тэхте-и* «деревянные ступеньки» (Х. А., сб.-87, 93), *дор тут-и* «тутовое дерево» (Ю. С., р., 12), *гуьлгъо-й васал-и* «весенние цветы» (М. Д., п.-80, 3), *чуьшме-й гьеминон-и* «летнее солнце» (М. Б., р., 47), *бишбогъгъо-й егън-и* «тарелки супа» (Х. А., ал-60, 45), *рэхь уьшугъ-и* «светлый путь» (М. Б., ал-60, 114), *серстоли кита-и* «китайская скатерть» (М. Б., ал-60, 70) и др.

Употребление существительного в роли определения в конструкциях типа «сущ. + сущ.» не обусловлено его общекатегориальным значением части речи — значением предметности (в широком

смысле слова), как, например, употребление в этой роли прилагательного, чья категориальная семантика обуславливает эту их первичную функцию. Поэтому использование существительного в его вторичной функции при выражении квалификативных отношений ведет к его переосмыслению в признаковое слово на синтаксическом уровне — уровне развертывания предложения. В татском языке формальным средством реинтерпретации существительного в составе определительной конструкции является аффикс *-и*, который мы квалифицируем с функциональной точки зрения как деривативный формант на уровне синтаксического словоизменения, как «синтаксическую морфему» (по Е. Куриловичу¹⁴). При присоединении к производящей основе аффикса *-и* сохраняется лексическое значение корня, изменяется частеречное значение слова, а сама производная основа, т. е. результирующая единица синтаксико-морфологической деривации, при сличении ее с исходной, оказывается симметричной, тождественной ей. Основным моментом в структуре семантики производной основы остается момент субстанциональности, а небольшое смысловое «приращение» («сделанный из /в/ при помощи ч.-л», «имеющий отношение к ч.-л.» и т. д.) характеризует слово лишь в определенном окказиональном употреблении. Таким образом, значение форм с аффиксом *-и* — «сопроводительное», синтаксически обусловленное, а использование существительного в этой роли — акт его вторичной репрезентации, связанной с употреблением его во вторичной синтаксической функции¹⁵. Как отмечает В. М. Павлов, «... существительное в одной из своих частных синтаксических функций, причем в функции вторичной, поскольку оно становится выразителем качества другого предмета и уже поэтому оказывается менее существительным, чем в синтаксических позициях субъекта, объекта, адресата, орудия и т. п., утрачивая свойственное «своей» части речи формантное обрамление, отклоняется от «нормального» для обычного существительного грамматического облика, но ...не становится и прилагательным, задерживаясь на пути преобразования в прилагательное в промежуточном положении между частями речи. Это, естественно, представляет собой состояние весьма неустойчивого равновесия»¹⁶.

Таким образом, в татском языке можно говорить о существовании на периферии словообразования и синтаксиса, вернее в области синтаксической деривации живой, продуктивной и регулярной слово- и формообразовательной схемы, используемой для образования новых синтаксически связанных форм слов с аффиксом *-и* и форм слов с аффиксом *-е*. Оба эти форманта — постфиксальные элементы со смыслоразличительной функцией, используемые в системе именных определительных словосочетаний для дифференциации значений признака и для морфологического оформления синтаксической связи определения с определяемым, как бы играют роль зачаточных форм: словоизменительной категории имени существительного (аффикс *-и*) и согласовательной, синтаксической категории имени прилагательного (аффикс *-е*).

Так, если аффикс *-е* является постфиксальным элементом в структуре определения — прилагательного и существительного, указывающим на качественное значение признака, выраженного производным словом, то его можно назвать показателем качественности, а аффикс *-и*, который является постфиксальным элементом в структуре татского существительного в функции определения и указывает на релятивное, относительно-притяжательное значение выражаемого производным словом признака, можно определить как показатель релятивности существительного. А оформляемую посредством этих двух формантов категорию атрибутивности можно назвать и выделить в системе словоизменения именных частей речи как двучленную морфолого-синтаксическую категорию атрибутивности имени с показателями *-е*, *-и*.

Как мы подчеркивали в начале статьи, в ходе развития иранских языков, в том числе и татского, происходила типологическая перестройка грамматической структуры, преобразование языкового типа в направлении от синтеза к анализу и ко вторичному синтезу. А татский язык, наряду с персидским и таджикским, относится к языкам, сильно продвинувшимся по пути аналитизма¹⁷, а, следовательно, и скорее пришедшим к явлениям вторичного синтеза, к каким мы относим инновационные формы атрибутивности именных частей речи.

Д. И. Эдельман отмечает, что «...явления вторичного синтеза, выражающиеся в становлении ряда вторичных синтетических форм из более ранних аналитических, возникают с помощью фонетических процессов стяжения, однако здесь фонетика лишь оформляет процесс, «выношенный» в морфолого-синтаксическом аспекте, т. е. является вспомогательным средством, а не причиной»¹⁸. Относительно возникновения и функционирования формантов атрибутивности можно заметить и в татском языке взаимодействие трех уровней — синтаксического, морфологического и фонетического. Думаем, что именно в результате фонетического стяжения образовались в языке инновационные форманты атрибутивности при определениях: формант атрибутивности-релятивности существительного *-и* и формант атрибутивности-качественности *-е*. Эти форманты и материально выраженная ими морфолого-синтаксическая категория атрибутивности являются специфической особенностью татского языка, сложившейся в ходе его исторического развития. Но причины изменения морфологической структуры именных частей речи языка, приведшие в числе других инноваций и к появлению морфем *-е* и *-и*, не лежат на поверхности. Исследованию этого вопроса будет посвящена третья часть данной статьи.

III

Выявленные в структуре некоторых татских существительных и прилагательных суффиксы *-е* и *-и* являются синтетическими средствами выражения грамматического значения связи существи-

тельного с существительным и прилагательного с существительным, которое проявляется в словосочетании, предложении. Можно сказать, что эти аффиксы оформляют синтетически то отношение атрибутивности, которое устанавливается между этими парами слов в пределах именных определительных словосочетаний.

Несмотря на некоторые специфические особенности функционирования аффикса *-и*, оба эти аффикса являются словоизменительными, т. е. релятивными суффиксами формообразования, т. к., присоединяясь к основе слова, они образуют грамматическую его форму, выражающую связь данного слова с другим в предложении. Как мы уже говорили, аффикс *-е* оформляет прилагательное или существительное, которое вступает в синтаксическую связь с определяемым им существительным и характеризует качественный признак предмета, названный им. Например: *губруьн* «тяжелый» — *губруьн-е салгбой довго* «тяжелые годы войны» (М. Б., ал.-64, 32); *сиегь* «черный» — *сиегь-е гьошгьо* «черные брови» (М. Б., р., 78); *уьшугьгь* «свет» — *уьшугьгь-е руз* «светлый день» (М. Д., п, 48); *лембе* «вата» — *лембе-е верф* «ватный снег» (М. Б., ал.-60, 96); *шори* «радость» — *шори-е мэглнигьбой* «радостные песни» (Ю. С., р., 23) и др. Аффикс же *-и* оформляет существительное, которое вступает в синтаксическую связь с другим, определяемым им существительным и характеризует относительно-притяжательный признак того предмета, который назван этим существительным. Например: *бебе-й кук-и* «отец юноши» (М. Б., ал.-60, 108), где *кук* «юноша»; *нимдергьбой пешм-и* «шерстяные матрасы» (Х. А., ал.-60, 44), где *пешм* «шерсть»; *дервозе-й огьу-н-и* «железные ворота» (Ю. С., р., 40), где *огьу* «железо» (*-н-* — протетический согласный); *фуфайке-й нембе-и* «ватная фуфайка» (М. Б., р., 76), где *нембе* «вата». Специфический характер функционирования аффикса *-и* заключается в том, что при его присоединении к исходному слову мы наблюдаем в производном некоторое смысловое варьирование, однако общее лексическое значение слова при этом остается неизменным. Некоторые нюансы смысла в производном слове объясняются тем, что существительное выступает в роли определения, которое не является для него первичной синтаксической функцией, а поэтому мы воспринимаем существительное в характеризующей роли как синтаксический дериват исходного слова. Однако говорить здесь о транспозиции, переходе существительного в прилагательное не приходится, т. к. ведущим моментом в его семантике остается предметность, субстанциональность, т. е. общекатегориальное значение существительного почти не меняется, а использование его в формах с аффиксами *-и* и *-е* — это синтаксически обусловленное его употребление.

Для примера сравним два случая использования существительного в качественной и в относительно-притяжательной конструкциях с аффиксом *-е* и с аффиксом *-и*: 1) *Хуьшдере кем куьшдиге, зенгьо пезде э песой энугь гофгьо-хэберберигьо мисохут, мигуют: уре дуьл сенгь-и дерики, у бегьем сер-сине некуфд, биглори ки у!* «Если будешь мало убиваться по умершему, женщины за твоей

спиной будут сплетничать, говорить: у нее *каменное сердце*, она не мучается, бессердечная она! (Х. А., ал.-60, 41); 2) *Э ен шуввер хушде нушд Либош, домбул-е чумгьой хушдере диеш келе сох-де...* «Либо села рядом со своим мужем, еще больше открывая свои сливовидные глаза...» (М. Б., ал.-60, 70—71). В первом предложении существительное *сангъ* «камень» в относительно-притяжательном словосочетании «каменное сердце» употреблено в переносном смысле, метафорически, однако использование именно этой конструкции, в которой сильна связь с первым значением этого слова, только усиливает сравнение и делает его более жестким, что обусловлено всем характером контекста. Во втором предложении существительное *домбул* «слива» в качественном словосочетании «сливовидноподобные глаза» употреблено также в переносном смысле, но выбор конструкции обусловлен тем, что здесь дается качественное переосмысление сравнения: «глаза, подобные сливе, такие как слива» (но ср., напр., *мирабо домбул-и* «сливовое варенье», «варенье из слив»).

В выражении грамматического значения атрибутивности (связи слов именных частей речи) участвуют не только синтактико-морфологические средства выражения, но и сугубо синтаксические. Это прежде всего примыкание как способ связи слов и синтаксические средства его оформления: фиксированный порядок слов и ритмико-интонационная объединенность всей группы в предложении: препозиция определения свидетельствует о качественном характере определения, постпозиция — об относительно-посессивном его характере. И при этом аффикс *-е* используется при определениях, большей частью имеющих исход на согласный (иногда и после гласного финала), а использование аффикса *-и* факультативно. Поэтому можно сказать, что преобладающим в языке является синтаксический способ выражения грамматического значения связи определения с определяемым. Поэтому введение понятия о грамматической оформленности (см. слова А. И. Смирницкого выше) позволяет определить порядок слов в атрибутивной группе в языке как грамматически и семантически значимый и пре- и постпозитивное примыкание определения к определяемому называть грамматической сочетаемостью этих слов.

А так как грамматическая сочетаемость есть проявление внутренних свойств слов, которые определяются наличием и взаимодействием грамматических и лексических их значений, особенностями морфологической структуры, то мы можем сказать, что между характером именной морфологии татского языка и спецификой его атрибутивных структур наблюдается определенный изоморфизм. А именно: малочисленностью словоизменительных именных категорий и, соответственно, морфологических форм (о которых мы говорим в I части сообщения) обусловлена недостаточная грамматическая выраженность атрибутивных значений синтетическими средствами, т. е. определенными формами слов именных частей речи, а также и ущербность, недостаточность, факультативность нарождающейся словоизменительной категории

имени — двучленной категории атрибутивности, представленной смыслоразличительными формантами *-e* и *-u* — маркерами разных определений, но, с другой стороны, наметилась аналитизация механизма построения атрибутивных словосочетаний, т. е. флективному типу синтаксического согласования определения с определяемым путем координации словоизменятельных формантов по признаку рода, числа, падежа противопоставлен в татском аналитический способ построения этих словосочетаний, характеризующийся закрепленностью порядка слов, грамматически и семантически значимого в языке.

В татском языке не всегда морфологическая структура слова-имени, т. е. его форма, служит для выражения его отношения к другим словам именных частей речи в предложении, поэтому в языке действует смешанный способ выражения грамматических значений — синтетико-аналитический с преобладанием синтаксических средств.

Однако смена грамматических приемов происходила и в историческом плане. Как отмечает В. Н. Ярцева, исторически «...зачастую смещаются границы между морфологией и синтаксисом. Иными словами, те отношения, которые на одном этапе развития языка имели морфологическое выражение, могут впоследствии выпасть из сферы морфологии и передаваться синтаксически в пределах словосочетания. С другой стороны, в языке постепенно происходят процессы грамматизации лексико-синтаксических сочтаний, приводящих к втягиванию преобразованных конструкций в парадигматические ряды»¹⁹.

Поэтому, чтобы понять историческое развитие и становление категории атрибутивности, а также и то, как, в связи с чем происходила исторически смена грамматических приемов в иранских языках, смещение в них границ между морфологией и синтаксисом, обратимся к динамике этого процесса.

Как известно из ирановедческой литературы, в ходе общей эволюции морфологического типа в истории иранской языковой семьи «...древняя флективная система, засвидетельствованная памятниками языков древнеиранского периода (авестийского и древнеперсидского), в результате постепенных и разнонаправленных перестроек трансформировалась в различные флективно-аналитические, аналитико-агглютинативные и другие системы языков последующих периодов»²⁰.

Суть этих перестроек, о которых мы говорили в начале сообщения, сводилась к трем основным процессам: «1) внутренняя, коренная перестройка древней флективной системы словоизменения; 2) развитие внешних, аналитических средств выражения грамматических значений; 3) вторичное синтезирование»²¹.

Как отмечает Д. И. Эдельман, «реализация этих исторических процессов, обусловивших соответствующие изменения на морфологическом и синтаксическом уровнях, в принципе объясняет развитие существенно различающихся между собой систем многочисленных иранских языков из одной прасистемы»²².

В работе «Опыт историко-типологического исследования иранских языков» (в двух томах) в качестве основной причины перестройки морфологической системы указываются фонетические явления²³.

Д. И. Эдельман подвергает сомнению такой подход, которым отличалась и ее ранняя работа²⁴, и в результате нового исследования²⁵ перестройки древней морфологической системы она проследила, как взаимодействовали разные языковые уровни — фонетический, морфологический и синтаксический — при выражении различных грамматических категорий в синхронии древнего периода и затем при дальнейшей перестройке данных категорий в диахронии. Д. И. Эдельман пришла к следующему выводу: «... в период перехода от древнего флективного состояния к последующим этапам фонетический уровень, обуславливающий ослабление последних, особенно безударных слогов, был только тем фоном, на котором исчезали или сохранялись те или иные морфологические элементы, соответственно их морфологической информативности и существенности для морфологии данного языка на данном этапе его развития, именно фоном, а не причиной. Причины были различны: затухание часто формальных оппозиций, не имеющих уже семантической поддержки; достаточная выраженность данной категории средствами синтаксиса и т. п. Фонетика лишь способствовала элиминации тех постфиксальных элементов, которые в силу тех или иных причин уже утрачивали смысловозначительную функцию. Характерно при этом, что глагольная флексия пострадала значительно меньше, чем именная...

Сказанное выше не отменяет того факта, что в более поздние эпохи и по настоящее время явления вторичного синтеза, выражающиеся в становлении ряда вторичных синтетических форм из более ранних аналитических, возникают с помощью фонетических процессов стяжения, однако и здесь фонетика лишь оформляет процесс, «выношенный» в морфолого-синтаксическом аспекте, т. е. является вспомогательным средством, а не причиной»²⁶.

Именно под этим углом зрения мы рассмотрим те процессы перестройки древней флективной системы словоизменения и постепенного удаления от нее с последующей трансформацией языков как в материальном, так и в структурном отношениях, которые происходили в среднеперсидском языке, являющемся предком живых новоиранских языков юго-западной подгруппы — персидского, таджикского, татского и некоторых других. Персидский и таджикский языки являются наиболее близкими татскому; А. Л. Грюнберг провел исследование, подтверждающее генетическое родство этих языков²⁷.

Обратимся к работе «Опыт историко-типологического исследования иранских языков»²⁸ с тем, чтобы понять типологические изменения в татском языке, обусловившие развитие инновационной категории атрибутивности.

В древнеперсидском языке выделялись три основных разряда

морфологических единиц: корневые морфемы, аффиксальные морфемы и окончания²⁹.

В средний период развития иранских языков в ряде падежных форм наблюдается перемещение морфологических границ в слове. В результате этого вместо прежнего трехчленного деления в этих падежах получилось двухчленное деление «корень — окончание» или, если основа сложная, — «основа — окончание»³⁰.

Древнеиранские языки отличались сложной разветвленной системой словоизменения. Имена существительные изменялись по падежам и числам. Система склонения существительных была достаточно сложной и богатой флексиями. Прилагательные, помимо изменений по падежам и числам, изменялись по трем родам³¹.

В языках персидском, таджикском, татском и др. категория падежа со временем вовсе элиминирована. Форме мн. ч. с суффиксальным показателем *-an* (перс.), *-on* (тадж., тат) противопоставляется общая (без изменения по падежам) форма ед. ч., характеризующая нулевой флексией³². «Завершающий этап — полная утрата древней падежной системы, как и категории рода, что мы видим в иранских языках и диалектах, наиболее сильно продвинувшихся по пути развития аналитизма, т. е. в персидском, таджикском, татском...»³³

Но «элиминация рода и падежа у разных именных частей речи происходила не одновременно. Прежде всего обе эти категории, а также число, были утрачены прилагательными. И это легко объяснимо. Прилагательные выступают в качестве подчиненного члена предложения — определения. Связь их с определяемым словом достаточно отчетливо выражена: в одних языках примыканием (с препозицией определения), в других изафетом. А потому согласование в роде, числе и падеже, тоже являющееся одним из средств выражения синтаксических связей, здесь оказывается избыточным, ненужным»³⁴. Постепенно закрепляется порядок членов определительных сочетаний.

Существенные типологические изменения претерпела также основа или, точнее, соотношение основы и слова. Если ранее основа обычно (за некоторым исключением) становилась словом лишь при наличии определенных оформляющих ее словоизменительных морфем, то теперь в тех новоиранских языках, о которых мы здесь говорим, все существительные в своей исходной форме равны основе, напр.: тадж. воу «сад», перс. ав «вода», sag «собака» и др. Следовательно, словоизменительные морфемы, такие как форманты косвенных падежей или показатели множественности, присоединяются здесь к тому, что и без них уже является словом³⁵.

Формируется изафетная конструкция. Под термином «изафет» в иранистике подразумевается особый тип атрибутивной связи, характеризующийся двумя основными признаками: 1) постпозитивным положением определения относительно определяемого им

слова; 2) наличием особого связующего морфологического элемента — изафетного показателя, который присоединяется к определяемому. Эта конструкция имеет распространение преимущественно в иранских языках западной группы (но не во всех), а именно — в персидском, таджикском, курдском и др. (в татском ее нет). Этот тип атрибутивной связи универсален, т. е. таким способом соединяются с определяемым не только качественные определения, но и определения принадлежности³⁶.

К числу аналитических средств выражения грамматических значений у существительных следует отнести также служебное использование указательных местоимений и числительного «один» с целью выделения, индивидуализации предмета или лица, определенного, уже упоминавшегося, известного или (при числительном «один») неопределенного, неизвестного, единичного. Это явление имеет место почти во всех новоиранских языках. Речь идет об артиклях — определенном и неопределенном.

В среднеперсидском языке др.-ир. *aiva* «один» (в служебном использовании), претерпев значительные фонетические изменения (*aiva* > *-ēv* > *-ē*), превратилось в постпозитивный неопределенный, или выделительный, артикль. Основная его функция — выделение единичного, в большинстве случаев неопределенного предмета из общей массы однородных предметов. Этот постпозитивный артикль был позднее унаследован современным персидским и таджикским языками (перс. *-i*, тадж. *-e*) с теми же функциями. Показателем морфологической обособленности неопределенного артикля относительно существительного, к которому он относится (того, что он не превратился в суффиксальный элемент агглютинативного типа), является то, что в атрибутивных изафетных словосочетаниях он в большинстве случаев помещается в самом конце, присоединяясь к определяющему слову или к последнему из определяющих слов, если их несколько³⁷.

Для обозначения определенности предмета или лица в иранских языках обычно служат указательные местоимения, которые в ряде случаев при ослаблении их собственно лексического значения имеют тенденцию к превращению в определенные артикли³⁸.

Явления вторичного синтеза в системе именного словоизменения проявляются главным образом в сращении с именами некоторых послелогов, что привело в ряде новоиранских языков к образованию новых падежных агглютинативных форм, в том числе и в татском языке. Из числа других инновационных явлений подобного рода можно упомянуть лишь отдельные случаи перерождения постпозитивных артиклей в суффиксальные показатели определенности // неопределенности³⁹.

«Вторичное синтезирование — процесс длительный. Он начался уже очень давно (очевидно, еще в среднеиранский период) и продолжается до настоящего времени. В разных языках он протекает с разной степенью интенсивности, но следы его в том или ином виде можно видеть повсеместно»⁴⁰.

Следы процесса вторичного синтезирования видны в татском языке и в настоящее время. Мы считаем, что такой процесс имеет место с формантами атрибутивности *-e* и *-и* на том участке именной синтагматики-парадигматики, который мы определяем как микросистему качественных и относительно-притяжательных определительных словосочетаний.

Ориентируясь на точку зрения Д. И. Эдельман о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков, мы можем выдвинутое в начале сообщения положение об области морфосинтаксиса, к которой относится возникновение и функционирование формантов атрибутивности, теперь дополнить и принять в следующем виде: процессы, в результате которых в татском языке развивается именная словоизменительная категория атрибутивности, материально представленная формантами *-e* и *-и* со смысловозначительной функцией (качественность / относительность соответственно), могут быть отнесены к области фоморфосинтаксиса, несмотря на то, что фонетка здесь «лишь оформляет процесс, «выношенный» в морфолого-синтаксическом аспекте, т. е. является вспомогательным средством, а не причиной»⁴¹.

Можно сказать, что постепенно «в недрах» аналитических форм выражения атрибутивности синтаксическими средствами — строго определенным порядком слов именных частей речи и их ритмико-интонационным объединением — постепенно зарождаются новые формы выражения того же содержания, происходит разрушение старого порядка. Как указывает Д. И. Эдельман, «ряд древних словоизменительных категорий, выражение которых частично или полностью взял на себя в разное время контекст, возрождаются впоследствии в устойчивых аналитических сочетаниях, превращающихся затем в аналитические и (в ряде языков) в синтетические формы — при фонетических стяжениях»⁴².

Думаем, что новые синтетические формы с аффиксами *-e* и *-и* образуются посредством фонетических стяжений так же, как и инновационные формы татских падежей вторичного агглютинативного образования⁴³. По-видимому, аффикс *-и* образовался после выделения татского из юго-западной общности из того специального постпозитивного показателя неопределенности кл. перс. *-i*,

тадж. *-e* < **ē* < **ev*, который в этих языках являлся служебным словом, а в татском в результате фонетического процесса стяжения переродился в ударный суффиксальный показатель атрибутивности постпозитивного определения-существительного, при том что в татском возможен именно такой фонопереход: общезап.

пр. *-ē* > тат. (сев. д.) *-i*⁴⁴. А то, что в татском языке формант атрибутивности существительного *-и* является суффиксом, а не служебным словом, доказывается фактом его морфологической слитности со словоформой, в которой он участвует. Напр.: *Зен э келе шориревоз жузьоб до: «Хисургьойме омбор шори мисохут гьуногъгой Кавказ-и-ре дирируьтге э хуней хуьшде»* — «Женщина

ответила радостно: «Свекровь и свекор обрадуются, увидев в своем доме гостей с Кавказа» (Ю. С., р., 32); *Революционерго Тахо-Годи ве Коркмасов ...эри бине норе хьуькуьмет Совет-и-ре э До-гъисту э взхд эеки меслэхъэт сохдеишу* «Революционеры Тахо-Годи и Коркмасов вместе беседуют об установлении власти Советов в Дагестане» (о скульптуре А. Ягудаева) (Н. Г., ал.-81, 41); в обоих предложениях *-ре* — аффикс объектного падежа.

По-видимому, аффикс *-е* образовался в определенной позиции из татского числительного *е* «один», который используется в языке и сейчас для выражения неопределенной единичности, т. е. выполняет, таким образом, функцию неопределенного артикля⁴⁵.

В связи с тем, что в одном из иранских языков, со временем «...наиболее сильно продвинувшихся по пути развития аналитизма...»⁴⁶, — в татском, был элиминирован грамматический род, разрушились старые флективные формы числа и падежа у существительных, полностью разрушились категории числа и падежа у прилагательных, т. е. утратилось согласование прилагательных с существительными в атрибутивных конструкциях, в эпоху аналитизма усилились средства синтаксиса, т. е. порядок слов в этих словосочетаниях становится грамматически, а впоследствии и семантически значимым, когда происходило разделение функций между пре- и постпозитивными определениями; впоследствии идет тенденция к возрождению некоторых новых форм — определительной формы прилагательного на *-е*, затем перешедшей и на существительные в сходной функции; определительной формы существительных (пока не зафиксированной в специальной литературе) на *-и*, а вместе с регулярным использованием этих аффиксов со смыслоразличительной функцией (формы с аффиксом *-е* — качественные признаки, формы с аффиксом *-и* — относительно-притяжательные признаки) начинает зарождаться именная словоизменятельная синтетическая категория атрибутивности, заменяющая старые словоизменятельные и согласовательные категории и формы.

В татском языке, как видим, быстрее идут процессы вторичного синтезирования среди именных частей речи; поэтому можно сказать, что он обрисовывается как язык, наиболее сильно продвинувшийся по пути аналитизма по сравнению с персидским и таджикским языками.

IV

В ходе исторического развития языка, в результате эволюции грамматических средств выражения в татском языке зародились новые синтетические, морфологические средства — аффиксы атрибутивности *-е* и *-и*. Они являются маркерами признака предмета (качественного или относительно-притяжательного) в атрибутивных словосочетаниях, т. е. функционирующими пока только на синтаксическом уровне языка в виде формообразующих суффиксов и поэтому являющимися формантами синтаксического формообразования.

Обобщая этот процесс, можно сказать, что «проницание» новых форм выражения атрибутивности взамен старых, аналитических, обусловленное всем ходом развития грамматического строя языка на данном этапе развития, происходит через синтаксис и морфологическую деривацию, через синтаксическое формообразование, через область морфосинтаксиса, оформление которых происходит средствами фонетики — фонемами [e] и [u]. Но, как отмечают Л. С. Ермолаева и М. К. Сабанеева, «... морфосинтаксис, который, подобно морфонологии, не представляет собой самостоятельного уровня может быть выделен постольку, поскольку он «управляет» процессами становления и отмирания морфологических оппозиций»⁴⁷, поэтому и в нашем сообщении была выделена область фономорфосинтаксиса как управляющая и оформляющая процесс зарождения татских формообразующих инновационных средств выражения атрибутивности.

Однако «проницание» этих новых средств происходит на периферии словообразования и синтаксиса, вернее в области синтаксической деривации.

Подобно тому, как в словообразовании выделяются многими языковедами⁴⁸ центральные и периферийные словообразовательные схемы, так и мы, по аналогии, можем выделить центр и периферию среди грамматических средств выражения значения в татском языке в микросистеме определенных именных словосочетаний. Функциональное назначение этих зон различно: центральное ядро грамматических средств в системе выражения атрибутивности татскими именными словосочетаниями обеспечивает необходимый комбинаторный минимум, т. е. обеспечивает основное выражение смысла высказывания (определенным порядком слов и ритмико-интонационной объединенностью слов в группе, т. е. аналитическими средствами), а периферия же имеет как бы дополнительные к основным средствам. В нашем случае в дополнение к аналитическим средствам используется в двух типах конструкций новое синтетическое средство: либо аффикс -e, либо -u, как бы дополнительно маркируя слово, называющее признак предмета). Можно сказать, таким образом, что периферия является своеобразным «полигоном», где испытываются нарождающиеся в результате фонетического стяжения слов именных частей речи с постпозитивным и препозитивным артиклями, происходящего вследствие перестройки татской грамматической системы, словоизменяющие средства, категориальный статус которых лишь формируется.

Обобщая сказанное, можно подвести итог вышеизложенного сообщения: в татском языке в стадии становления находится новая морфологическая словоизменятельная категория имени — категория атрибутивности, материально представленная двумя смысловоразличительными формантами — аффиксом качественности -e и аффиксом относительности, релятивности -u.

- 1 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М.: Наука, 1975. С. 112—224.
- 2 Ярцева В. Н. О принципах определения морфологического типа языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965. С. 111.
- 3 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 154—159.
- 4 Там же. С. 8.
- 5 Там же. С. 161.
- 6 Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 17—19.
- 7 Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. М.: Наука, 1982. С. 252; Давыдова Л. Х. Язык татов Северного Кавказа. Дис. канд. филол. наук. Л., 1982. С. 13; Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков // ВЯ, 1961, № 1. С. 114; Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 194—195.
- 8 Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков. С. 114.
- 9 Там же. С. 114.
- 10 Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык. С. 233.
- 11 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 167—168.
- 12 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 168; Таджиев Д. Г. Категория связи определения с определяемым в современном таджикском языке. Дис. канд. филол. наук. Л., 1951. С. 13—17. 20—141; Пейсинов Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1963. С. 74—150.
- 13 Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков. С. 113.
- 14 Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая (К теории частей речи) / Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. С. 61—62.
- 15 Гайсина Р. М. Диалектика триединства «значение-форма-функция» в сфере частей речи // НДВШ. Сер. Филологические науки. 1986, № 4. С. 49.
- 16 Павлов В. М. Понятие лексемы и проблемы отношения синтаксиса и словообразования. Л.: Наука. Ленингр. отд-е. 1985. С. 104—105.
- 17 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 160.
- 18 Эдельман Д. И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание: Ежегодник. 1982. М.: Наука. Главн. редакция вост. лит-ры, 1987. С. 167.
- 19 Ярцева В. Н. О принципах определения морфологического типа языка. С. 111.
- 20 Эдельман Д. И. Указ. соч. С. 158.
- 21 Расторгуева В. С. Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 112.
- 22 Эдельман Д. И. Указ. соч. С. 158.
- 23 Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 143.

24 Эдельман Д. И. Эволюция фонологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. С. 78.

25 Эдельман Д. И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков. С. 158—168.

26 Там же. С. 166—167.

27 Грюнберг А. Л. О месте татского среди иранских языков. С. 106—114.

28 Далее, для удобства ссылки на эту работу, мы прибегнем к следующей аббревиатуре: ОИТИИЯ. Т. I или Т. II.

29 ОИТИИЯ. Т. I. С. 89.

30 Там же. С. 124.

31 Там же. С. 108.

32 Там же. С. 147—148.

33 Там же. С. 160.

34 Там же. С. 160.

35 Там же. С. 155.

36 Там же. С. 167—168.

37 Там же. С. 176—177.

38 Там же. С. 178.

39 Там же. С. 190.

40 Там же. С. 200.

41 Эдельман Д. И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков. С. 167.

42 Там же. С. 166.

43 Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык. С. 249.

44 Там же. С. 246.

45 Там же. С. 251.

46 ОИТИИЯ. Т. I. С. 160.

47 Ермолаева Л. С., Сабанеева М. К. К проблеме морфосинтаксиса // ВЯ, 1986, № 6. С. 66.

48 Нешищенко Г. П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987. С. 68.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники (на татском языке):

М. Б., ал-60, 96 Бахшиев М. Хушегъой онгур // Ватан Советиму: Альманах тати. Махачкала, 1960. С. 96.

М. Б., ал-64, 32 — Бахшиев М. Ихдилотгъо // Ватан Советиму: Альманах тати. Махачкала, 1964. С. 32.

М. Б., р., 78 — Бахшиев М. Ихдилотгъо. Махачкала, 1950. С. 78.

М. Д., п., 48 — Дадашев М. Дуь когъоз (поэма) // ШэгӀмелей Октябрь. Махачкала, 1968. С. 48.

М. Д., п.-80, 6 — Дадашев М. Бироргъо (повесть). Махачкала, 1980. С. 6.

Н. Г., ал.-81, 41 — Гилядов Н. Очеркгъо // Ватан Советиму: Альманах тати. Махачкала, 1981. С. 41.

- Х. А., ал.-60, 44 — Авшалумов Х. Ихдьялотгьо // Ватан Советиму: Альманах тати. Махачкала, 1960. С. 44.
- Х. А., сб.-63, 7 — Авшалумов Х. Духдер нэхирчи (сборник). Махачкала, 1963. С. 7.
- Х. А., сб.-87, 93 — Авшалумов Х. Кук уруси (сборник). Махачкала, 1987. С. 93.
- Ю. С. р., 23 — Семенов Ю. Абаси (рассказ) // Семенов Ю. Вихде оmore произведенигьо. Махачкала, 1964. С. 23.

Языки:

др.-ир. — древнеиранский
 кл.-перс. — классический персидско-таджикский
 общезап. ир. — общезападноиранский языковой тип
 перс. — персидский
 ср.-перс. — среднеперсидский
 тадж. — таджикский
 тат. (сев. д.) — татский (северный диалект)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тематическом сборнике «Морфемный строй дагестанских языков» исследован основной морфемный фонд дагестанских языков. Относительная хронологическая устойчивость морфемных элементов в дагестанских языках позволяет изучить те отношения, которые существуют между ними в настоящее время и существовали в прошлом.

Анализ морфемного строя в статьях сборника проводится в разных направлениях, на основе различных подходов — исторического, типологического, сравнительного и описательного. Такой подход к исследованию морфемного строя дагестанских языков дал весьма интересные результаты, характеризующие структурно-морфологические особенности корневых и базовых морфем различного типа.

Рассмотрены в сборнике и вопросы морфологического словообразования, как продуктивные, так и непродуктивные модели. Сделана попытка выявить причины, обусловившие те или иные изменения в словообразовательных моделях в процессе дальнейшего развития. Хорошо показан процесс морфообразования в современных дагестанских языках.

Таким образом, анализ морфемки и морфологии дагестанских языков в сопоставлении с типологическими данными других языков обнаруживает, что изменения в значениях, формах и функциях морфем и их моделей, появление или отмирание различных аффиксов не носят характера беспорядочных явлений, а являются отражением закономерного развития всей морфемной системы дагестанских языков,

К. С. Кадыраджиев

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Абдуллаев З. Г. К генезису грамматических формантов даргинского языка	6
Атаев Б. М. Некоторые особенности морфемной структуры и склонения личных местоимений аварского языка	44
Гарунова К. И. Функциональные особенности частицы -го в аварском языке	49
Кадыраджиев К. С. Историческая структура корневой морфемтики тюркских языков	55
Темирбулатова С. М. Именная морфемика хайдакского диалекта даргинского языка	73
Сулейманов Н. Д. Морфемная структура имен в группе лезгинских языков (вопросы исторической деривации)	80
Шихмурзаев Д. М. К вопросу о морфеме н- в составе ногайских личных и указательных местоимений	88
Кадыраджиев К. С. Морфемно-фонетическая структура тюркских корней и основ, имеющих в аилауте й-	92
Шейхов Э. М. Морфология числа в лезгинском и русском языках (опыт сравнительно-типологического анализа)	111
Ольмесов Н. Х., Кадыраджиев К. С. Морфемная структура имен, общих для нахско-дагестанских и кумыкского языков	119
Назарова Е. М. О морфологических средствах выражения атрибутивности в татском языке	127
Кукуева Г. О. О структуре субстантивных словосочетаний в лакском языке .	148
Магомедов М. А. Морфемическая характеристика арадерихской (гъа-радерихъ) микротопонимии	152
Рашдов А. А. Обстоятельственные формы глагола в нхрекском диалекте рутульского языка	157
Малласва З. М. Морфемы с временной семантикой в аварском языке.	164
Заключение	168

МОРФЕМНЫЙ СТРОЙ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сборник статей

Редактор **С. Д. Усик**

Техн. редактор **Н. В. Жукова**

Н / К

Сдано в набор 10.01.1989 г. Подписано в печать 05.04.89.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная».

Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 500 экз. Заказ 1086. Цена 78 коп.

Дагестанский филиал АН СССР

Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала Академии Наук СССР

Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

Цена 78 коп.